

Ю. Новиков
(Vilnius pedagogical university, Vilnius, Lithuania)

БЫЛИНА О СТАВРЕ ГОДИНОВИЧЕ: СООТНОШЕНИЕ ВАРИАНТОВ

Былина о Ставре Годиновице и его предприимчивой, смелой и находчивой жене Василисе Микуличне зафиксирована собирателями в разных регионах России — от Карелии до Алтая и Забайкалья. Однако этот сюжет не принадлежит к числу наиболее популярных. Подавляющее большинство записей сделано в Прионежье; в некоторых центрах активного бытования эпических песен эта старина либо вообще не обнаружена, либо сохранилась в виде фрагментарных, подчас дефектных текстов (Кенозеро, Поморье, Мезень, Кулой, Пинега, Поволжье)¹. Благодаря выходу в свет сборников П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга в научный оборот было введено около полутора десятков новых записей. Былина о Ставре привлекла внимание большинства исследователей русского эпоса и в конце XIX века стала предметом оживленной дискуссии. Правда, ее участников в первую очередь интересовал вопрос о генезисе этого сюжета. О.Ф. Миллер и О.И. Созонович объявили его заимствованием у южных славян. В.В. Стасов и Г.Н. Потанин — у народов Востока; А.Н. Веселовский и осторожно поддержавший его В.Ф. Миллер искали близкие параллели на Западе, в частности, в немецком песенном фольклоре (обзор разных точек зрения см.: ([9]; I, 271–278)). Однако ввиду шаткости аргументации ни одна из этих гипотез не стала общепризнанной, как и попытки представителей исторической школы (В.Ф. Миллера и его учеников) считать прототипом былинного Ставра новгородского сотского, упомянутого в летописи. И хотя сторонники исторической трактовки генезиса былины упорно не желают расставаться с этой идеей, трудно не согласиться с мнением В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова о том, что сюжет «Ставра» «целиком вымышленный» ([14]; II, 467).

Одной из самых плодотворных идей, выдвинутых фольклористами в конце XIX столетия, было выделение двух основных модификаций сюжета. А.Н. Веселовский первым обратил внимание на принципиально важные расхождения между олонекскими записями, с одной стороны, и былиной из сборника Кирши Данилова и примыкающими к ней вариантами, с другой. Более архаичной он считал ту версию сюжета.

¹ Здесь и далее книжные по происхождению и фальсифицированные варианты не учитываются.

которая представлена в уральском сборнике ([4]; 72). В.Ф. Миллер, используя более широкий круг текстов, подкрепил эту гипотезу новыми аргументами ([9]; I, 263–282). К настоящему времени количество доступных вариантов «Ставра» увеличилось почти в три раза; их анализ подтверждает справедливость концепции Веселовского – Миллера, позволяя внести в нее некоторые коррективы.

Более древнюю версию сюжета, видимо, следует именовать не «сибирской», как было принято долгое время, а «богатырской», как это сделал В.П. Анкин в одной из своих монографий ([1]; 176–189). Дело в том, что сибирская запись Н.А. Кострова на проверку оказалась фальсификацией. Как показал П.Д. Ухов, вторая часть этого компилятивного по характеру текста «почти с буквальной точностью» повторяет вариант Кириши Данилова ([18]; 139–146), а первая часть представляет собой скрытую перепечатку былины, записанной в Забайкалье ([11]; 161–162). В этой модификации сюжета переодевшаяся в мужское платье жена Ставра выдает себя за *грозного посла*¹ иноземного царя; речь о сватовстве к дочери или племяннице князя Владимира не идет, они вообще не упоминаются сказителями. Заподозрив переодевание, князь испытывает гостя, предлагая ему поучаствовать в сугубо «мужских» состязаниях — борьбе и стрельбе из лука. На наш взгляд, к числу «особых примет» богатырской версии можно отнести встречу Василисы с послами князя Владимира, которым поручено опечатать двор / описать имущество Ставра и *взять нечестно* его жену и доставить ее в Киев. В прионежской версии Василиса приезжает в Киев в качестве жениха родственницы князя. «Внесены также, в дополнение к испытанию пола стрельбой из лука и борьбой, еще испытания баней и постелью» ([2]; I, 638).

Ультимативное требование *дани-невыйлат за двенадцать лет* не является типовой чертой этой модификации, как нередко утверждают исследователи. Этот мотив встречается только в тексте Кириши Данилова и зависимых от него вариантах. Другой особенностью богатырской версии принято считать игру Василисы с князем Владимиром в шахматы — «традиционный эпизод, связанный с требованием дани» ([2]; II, 799). Это утверждение не совсем точно. Игра в шахматы изображается только в былине из сборника Кириши Данилова, в алтайском варианте (но в трансформированном виде) и в двух печорских текстах, примыкающих к данной версии сюжета. Лишь в одной из печорских записей результату поединка придается серьезное значение, но «с позиции

¹ Здесь и далее цитаты из фольклорных произведений печатаются курсивом без кавычек (кроме прямой речи персонажей).

силы» действует не агрессивный посол, а князь Владимир: «Я накинута на тебя службу тяжёлую» ([15]; П, 176). Во всех остальных вариантах дани-выходы не стоят на кону, а сама игра в шахики-шехматы рассматривается как развлечение. Даже в тексте Кириши Данилова, по праву считающемся эталонным для этой группы вариантов, проиграв три партии подряд, князь Владимир вынужден лезть под стол: *Шах да и мат да и под доску* ([8]; № 15). Видимо, такое шутовское наказание предусмотрено условиями поединка шахматистов (комментарий Б.И. Путилова — ([8]; 439). Спортивно-бытовой характер состязания наиболее отчетливо отражается в старине Леонтия Тупицына с Алтая:

*И пили, играли, прокладжались
Костью, картами забавлялись*
([16]; № 130)

Следует отметить, что некоторые мотивы и детали повествования, поэтические формулы, свойственные одной из версий сюжета, изредка встречаются и в другой. Игра в шахматы описывается в вариантах Домны Суриковой и ее старшего сына Антона из Кижей и тоже трактуется как развлечение ([5]; № 140; [17]; № 135). В прионежских записях переодетая мужчиной Василиса Микулична обычно сразу сватается к родственнице киевского князя, но большинство сказителей именует ее *грозным послом* или вкладывает в уста князя Владимира такую сентенцию:

*«Выпустить Ставра — не видать Ставра,
А не выпустить Ставра — разгневить посла».*

Жениху незачем притворяться послом; вероятнее всего, это — реликты более древней версии сюжета, где героине отводилась именно такая роль. В алтайском тексте, типичном для богатырской версии сюжета, князь Владимир пытается разоблачить мнимого посла, пригласив его в *банюшку-парушу*, что характерно для прионежской традиции. Три печорских варианта ([15]; №№ 176–179) в основном примыкают к богатырской версии сюжета: в них нет сватовства к племяннице князя, Василиса Микулична разыгрывает роль посла, которому мать или жена Ставра якобы поручила его выкупить; не упоминаются испытания пола баней и постелью. Косвенным свидетельством связи с этой модификацией сюжета можно считать также формулу «*Не отдай Ставра — да прогневишь посла*», использованную двумя печорскими певцами. Киевский князь может не опасаться слуг Ставра, а с настроением *грозного посла* даже ему надо считаться.

Эпосоведы XIX века неоднократно высказывали мысль о сказочном происхождении былины о Ставре. Эта точка зрения нашла немало приверженцев и в XX столетии. В.Я. Пропп в своей монографии «Русский героический эпос» специально не рассматривал данный сюжет, но дважды упомянул его при перечислении былин сказочного содержания ([13]; 262, 575). В двухтомной антологии «Былинь», подготовленной им вместе с Б.Н. Путиловым, старина о Ставре безоговорочно отнесена к этой разновидности сюжетов ([14]; II, 5–8). Наиболее категорично идею генетической связи данной былины со сказкой отстаивает В.П. Аникин, посвятивший фронтальному анализу имеющихся записей «Ставра» вторую половину одной из своих книг ([1]; 234–254). На наш взгляд, некоторые суждения и выводы автора нельзя принять безоговорочно. Поставленная в работе цель — выявить историческую хронологию вариантов — требует использования максимально возможного круга текстов. В.П. Аникин ограничился только публикациями былин¹, не воспользовавшись даже записями студентов МГУ им. М.В. Ломоносова, которые хранятся в архиве, отделенном от помещения возглавляемой им кафедры узким коридором. В то же время автор оперирует фальсифицированными текстами, якобы записанными в Сибири Н.А. Костровым и в Прионежье И.А. Касьяновым. Привлечение первого из них позволило выделить особую, главную по значимости группу вариантов богатырской версии сюжета — без него она была бы представлена единственной стариной из сборника Кириши Данилова. Искусственный, вторичный характер обоих текстов убедительно раскрыл П.Д. Ухов в монографии «Атрибуции русских былин» [18], которая была подготовлена на той же кафедре фольклора МГУ и опубликована в том же издательстве, что и книга В.П. Аникина.

Вызывает сомнения категоричность некоторых теоретических посылок, существенно влияющих на классификацию и оценку былинных текстов. Опыт текстологических исследований убедил нас в том, что далеко не всегда «совершенный вариант предшествует несовершенному» ([1]; 220). Сошлемся на один, но отнюдь не единственный факт. Н.Е. Ончуков записал весьма невыразительную былину «Василий Игнатьевич и Батыга» от знаменитого в прошлом «Васи Малого» (В.А. Чурова), «на которого все указывали <...> как на лучшего знатока былин на Пижме» ([15]; II. № 190, 371). Других старин 78-летний сказитель припомнить уже не смог, а от Ф. Чуркиной и других его преемников со-

¹ Этот принцип тоже не выдержан до конца — без всяких оговорок даже не упомянуты варианты Д. Суриковой ([5]; № 140), И. Чванова ([2]; № 166) и Н. Ремизова ([12]; № 36).

биратель записал великолепные, куда более «совершенные» варианты и этой, и других эпических песен. Неубедительной выглядит интерпретация одного из фрагментов владимирской записи былины ([10]; № 88). «Ставр — гусяр; под звонкие гусли он и выговаривает свою похвалу (женой — Ю.Н.). Что этот эпизод разработан в сказочном плане, усомниться трудно: вставная песенка — обычная черта сказок» ([1]; 240). Возьмем на себя смелость усомниться в справедливости данного суждения. Во-первых, речь идет об уникальном случае; ни один другой сказитель не описывал хвастовство Ставра как песню. Если это и заимствование из сказок, то индивидуальное и не совсем удачное. Во-вторых, песенные вставки встречаются в основном в волшебных сказках и сказках о животных и далеко не так часто, чтобы считать это «обычной чертой». К «сказочно-новеллистическому типу ведения сюжета» (формулировка В.П. Аникина) они не имеют никакого отношения, да и в содержательном плане резко отличаются от анализируемого фрагмента эпической песни. В-третьих, нельзя исключать куда более естественные перенесения из других былинных сюжетов, в частности, из «Добрыни и Алеши». В ряде вариантов герой, явившись на пир в наряде скомороха или *кальки перехожей*, играет на гусях и рассказывает *про розьезды про Добрынюшкины* ([5]; № 215, 222 и др.). Непонятно, какими «разными диковиными условиями» (формулировка В.П. Аникина) обставлено испытание мнимого посла стрельбой из лука и в чем здесь можно усмотреть влияние сказок. Выстрелить в дуб и разбить его стрелой «в мелкие черенья» исследователь считает достойным эпического героя, а попасть через кольцо в острие ножа и расколоть стрелу на две равные части — «это не богатырская стрельба» ([1]; 249). Между тем в сказках состязания в стрельбе из лука вообще не упоминаются, а в былинах доминирует именно стрельба в цель («Добрыня и Василий Казимирович», «Дунай-сват», «Непра и Дон»). Сюжет о Ставре Годиновиче — не исключение из этого правила; «богатырская стрельба» в дуб описана только в варианте Кириши Данилова и зависимых от него книжных по происхождению текстах. В эпических поэмах и сказаниях разных народов мира герои стреляют в цель, демонстрируя как свою физическую силу, так и меткость. (Пенелопа предлагает женихам не только натянуть тетиву на лук Одиссея, но и пустить стрелу через двенадцать колец, не задев их). Кстати, оговоренные в «Ставре» и других былинах условия состязания тоже требуют недюжинной физической силы — надо с большого расстояния через кольцо попасть в нож и расколоть надвое *стрелу конейчату*. Видеть во всем этом заимствования из сказок нет никаких оснований. Усиление элементов бо-

гатырской трактовки образа героини, по мнению автора книги, приводит к «неразрешимому противоречию»: «если жена Ставра так сильна, то зачем ей хитрить, а не открыто требовать освобождения мужа» ([1]; 205). Никакого противоречия здесь нет — Василиса делает все для того, чтобы доказать правоту своего мужа, который на княжеском пиру похвастался женой:

*«Вас, князей, бояр она повыманил,
Тебя, солнышко Владимира, с ума сведет»*
([5]; № 151 и др.)

Таким образом, далеко не все аргументы и интерпретации В.П. Аникина выглядят убедительно, да и в методологическом плане монография отнюдь не безупречна, что заставляет настороженно относиться к выводам ее автора.

Среди текстов, составляющих богатырскую версию, важное место занимают записи XVII–XVIII веков ([3]; №№ 44, 45) и былина из Владимирской губернии, записанная в 1883 году ([10]; № 88). Они давно введены в научный оборот, но не становились объектом сопоставительного анализа. Фольклористы ограничивались их упоминанием в перечислительном ряду или кратким пересказом содержания. Даже В.Ф. Миллер и А.М. Астахова, которые при характеристике эпических сюжетов всегда стремились использовать максимальное количество вариантов, в своих исследованиях сюжета по сути дела обошли стороной записи XVII–XVIII столетий, хотя принимали непосредственное участие в их публикациях. Лишь В.П. Аникин обратил внимание на сходство упомянутых вариантов, выделив их в особую группу ([1]; 184–187). Однако потенциал этих текстов и в его книге использован далеко не полностью.

Во-первых, мы имеем дело с самыми ранними по времени фиксациями «Ставра», которые в хронологическом плане, по крайней мере, не уступают сборнику Кириши Данилова; причем не с оригинальными записями, а с копиями с более древних рукописей ([3]; 257, 297). Во-вторых, их научная ценность резко возрастает, если «вынести за скобки» книжные по происхождению и фальсифицированные варианты, полностью или частично связанные с богатырской версией сюжета, общее количество которых превышает полтора десятка ([11]; сюжет № 38). В-третьих, их привлечение позволяет внести существенные коррективы в устоявшиеся представления о географическом распространении данной модификации сюжета и даже отказаться от термина «сибирская версия». Рукописные тексты очень близки друг к другу; один из них, по мнению авторитетных

исследователей, «писан в области смешения акающих и окающих говоров, вероятно, в Поволжье» ([3]; 297); во всяком случае, к сибирской традиции они не имеют прямого отношения. Согласно новейшим исследованиям, с Уралом, а не с Сибирью связано создание сборника Кириши Данилова ([6: 4–40]). А если учесть примыкающие к этой версии печорские записи, то получается, что сибирскими являются только 2 аутентично отражающих устную традицию варианта из 8. Предложенный В.П. Аникиным термин «богатырская версия» представляется гораздо более точным. Анализируемые тексты можно рассматривать как еще один аргумент против концепции новгородского происхождения русских былин [7]. Вряд ли правомерно предполагать массовую миграцию новгородцев или их потомков с бескрайних просторов Русского Севера в густо заселенное Подмосковье, в самый центр Ростово-Суздальского (позднее — Московского) княжества, правители которого враждебно относились к новгородской «вольнице». К тому же в таком случае они не могли принести с собой богатырскую версию «Ставра», не характерную для эпических традиций Олонекской и Архангельской губерний.

Владимирская былина ([10]; № 88) представляет несомненный интерес и в плане соотношения вариантов. Ю.И. Смирнов, подготовивший к печати том русских эпических песен в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», сопроводил тексты развернутыми комментариями. По поводу единственного алтайского варианта «Ставра» в них сказано, что наиболее близка к нему именно владимирская старина, эволюционными производными которой являются две печорские записи ([16]; 410). На наш взгляд, эта интерпретация по меньшей мере спорна. Былина из Подмосковья содержит целый ряд относительно редких мотивов и формул, которые можно разделить на три группы. Первая — многочисленные схождения (в том числе и на лексическом уровне) с упоминавшимися выше рукописными текстами; вторая — столь же очевидные переключки со сборником Кириши Данилова ([8]; № 15); третья — отсутствующие в этих источниках традиционные эпические формулы. Близких схождений с алтайским вариантом немного, и все они — типовые, зафиксированные и в других регионах.

К нестандартным элементам алтайской записи, как правило, обнаруживаются параллели в других текстах, причисляемых к сибирской версии. Переодевшись мужчиной, *Василиса Микулишина* выдает себя за посла жены Ставра (ср. печорские старины, где она якобы действует по поручению жены или матери героя — ([15]; II, №№ 176, 178). Во владимирском варианте подробности этой мистификации отсутствуют;

поскольку при записи собиратель не зафиксировал значительный фрагмент былины (после стиха 113). В композиционно близком к нему рукописном тексте XVIII столетия ([3]; № 44) Василиса выдает себя за посла из земли *Галацкия от короля польскова*. Со сборником Кириши Данилова былинку Тупицына роднят формулы *пол-середа одного серебра, верста пятисотная*; приказ князя Владимира своим послам привезти в Киев *Василису Микулишину* (то же в подмосковной записи). В других вариантах богатырской версии сюжета киевское посольство либо вообще не упоминается, либо слугам поручается лишь описать имущество Ставра. Некоторые оригинальные детали, возможно, являются индивидуальными новациями алтайского сказителя. Князь Владимир поручает Алеше Поповичу и Добрыне Никитичу не только привезти жену Ставра, но и *взять ее нечестно, да дорогой над ней наругаться*. В Киеве Василиса и князь *костью, картами забавлялися*. Ставра выпускают *из шанца глубокого*, чтобы он попытался одолеть в борьбе мнимого посла, чего не удалось сделать Алеше и Добрыне (обычно освобождение Ставра мотивируется желанием Василисы послушать его искусную игру на гусях).

Гораздо более продуктивным оказывается сопоставление подмосковной старины с былинной из сборника Кириши Данилова и двумя рукописными текстами XVII–XVIII столетий (второй из них фрагментарен, но содержит некоторые детали и подробности, отсутствующие в первом). С вариантами старой записи совпадает целый ряд элементов, отсутствующих в уральском сборнике. На пиру у князя Владимира Ставр хвастает не только своими богатством, но и женой; он дает деньги в долг и получает проценты — *«тем же я ростом год живу»*; в текстах неоднократно употребляется глагол *раскручиниться* в значении «разгневаться, рассердиться»; в финальной сцене мнимый посол просит *потешить* его, поскольку сам он уже *тешил* князя Владимира. *Василиса Микулишина* последовательно именуется *грозным послом*, а посланник киевского князя — *гонцом* (в сборнике Кириши Данилова в обоих случаях употребляется одно и то же словосочетание *грозен посол*). В записях из европейской части России использованы также некоторые типовые детали повествования, которых нет в уральском сборнике (назван город Чершигов, в котором живет Ставр; упоминаются *жеребчики латынские*; указывается, что Ставр посажен *в погребы глубокие сорока сажен*; Василиса берет с собой свиту — *три ста молодцов*). К другим мотивам и мини-формулам близкие параллели обнаруживаются только у Кириши Данилова (послы при встрече *соезжались, в сахарны уста*

целовались; формулы *честно, хваљно и радошно; скоро бы метаяся на сивого коня; хлебы наши завозные*). В уральской записи «Ставра» их нет, но они свойственны индивидуальному стилю Кириши Данилова (см. [8]; №№ 11, 16, 24 и др.).

Таким образом, владимирский вариант занимает промежуточное положение между рукописными текстами XVII–XVIII веков и былинной из сборника Кириши Данилова. Это подтверждает традиционность рукописных вариантов и позволяет предположить, что эпический стиль уральского сказителя, в основном тяготеющий к традиции Архангельско-Беломорского края, в какой-то мере связан и с более южными регионами.

Литература

1. Аникин В. П. Былины: Метод выяснения исторической хронологии вариантов. – М., 1984.
2. Астахова А. М. Былины Севера / Подготовка текста и комментарий А.М. Астаховой. Т. I–II. – М.; Л., 1938–1951.
3. Астахова А. М. Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Издание подготовили А.М. Астахова, В.В. Митрофанова, М.О. Скрипиль. – М.; Л., 1960.
4. Веселовский А. Н. Мелкие заметки к былинам. Вып. XV // Журнал министерства народного просвещения. – Март 1890 г. – Отдел 2. – С. 26–55.
5. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1–3. – М.; Л., 1949–1951.
6. Горелов А. А. Заветная книга // Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. – СПб., 2000. С. 4–40.
7. Дмитриева С. И. Географическое распространение былин: По материалам конца XIX – начала XX вв. – М., 1975.
8. Кириша Данилов. Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым / Подготовили А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. – М., 1977.
9. Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. I–XVI. – М., 1897.
10. Миллер В. Ф. Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В.Ф. Миллера. – М., 1908.
11. Новиков Ю. А. Былина и книга: Указатель зависимых от книги и фальсифицированных былинных текстов. – СПб., 2001.

12. Парилова Г. Н., Соймонов А. Д. Былины Пудожского края / Подготовка текстов, статья и комментарии Г.Н. Париловой и А.Д. Соймонова. – Петрозаводск, 1941.
13. Пропп В. Я. Русский героический эпос. – М., 1999.
14. Пропп В. Я., Путилов Б. Н. Былины: В 2-х тт. / Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.Я. Проппа и Б.Н. Путилова. – М., 1958.
15. Свод Былины: В 25-ти тт. (Свод русского фольклора). Т. 2. Былины Печоры. – СПб.; М., 2001.
16. Смирнов Ю. И. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. (Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») / Сост. Ю.И. Смирнов. – Новосибирск, 1991.
17. Соколов Ю. М., Чичеров В. И. Онежские былины / Подбор былин и научная редакция текстов Ю.М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. – М., 1948.
18. Ухов П.Д. Атрибуции русских былин. – М., 1970.

Russian bylina Stavr Godinovich: Relationship of Variants

Approximately 60 variants of Russian bylina "Stavr Godinovich" are recorded by collectors. Researchers usually divide them into two versions — heroic and novelistic (it is spread in the region near the lake Onega). New records of this bylina are under investigation and the variants dependent on books or falsifications are revealed by the author of this article. It lets to define the peculiarities of both bylina versions and the regions of their circulation in tradition more exactly. The new arguments compel to doubt that Russian bylina "Stavr Godinovich" is the modification of novella tale. The author compares the variants of bylina and proposes some corrections into existing notions on genetic relationship of some texts belonging to the heroic version of bylina.

Key words: the Russian bylina, the modification of novella tale, the heroic version.